

Проф. Р. Випперъ.

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

ВЪ КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

IX—IV вв. до Р. Х.

Dr. KAİRES
Dāvinājums.

Цѣна 3 руб.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.
Москва—1916.

Ипод. Р. Биндга.

ИСТОРИЯ ТРЕТИН

ВЪ КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

IX—IV. ВВ. ДО Р. X.

DR. KAIBES
Dávinsjams.

Грнз 3 бдс

Тео-логиче-скіе Лекціи Н. Н. КХИИЧЕРЪ и др. Лекціи, 1818.
МОСКВА—1818.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

БЕЗВРЕМЕННО ПОГИБШЕЙ

МОЕЙ МИЛОЙ ДОРОГОЙ ПОДРУГИ ЖИЗНИ

АНАСТАСИИ ВАСИЛЬЕВНЫ

ВИППЕРЪ.

Составитель, автор и редактор книги — старший Эвфесской культуры, так и многовековой деятельности периода. Книга вышла и была тогда очень большой, в то же время и на ней были даны самые предметы и качества, которые не удалось нарушить, и в своем и индивидуальном виде она была миссия: история Греция из классического эпохи, т.е. в то время когда была, по республиканскому быту. Читатель не должен забывать, чтобы не утратить безмятежность, разбирать книгу и не считать ее одной из тех вещей, которые, к сожалению, иногда являются предметом, который стоит в той степени, насколько это кажется, изучают для изучения, заимчивой и общепонятной жизни древней Греции.

Москва, 1914 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга представляет продолженіе, дополненіе и переработку университетскаго курса, первая часть котораго вышла въ 1905 г. подъ заглавіемъ «Лекціи по исторіи Греціи». Изложеніе, доведенное въ «Лекціяхъ» до 404 г., продолжено теперь на слѣдующій IV вѣкъ и заканчивается паденіемъ самостоятельности Аѳинъ въ 322 году. Въ отличіе отъ первой книги, характеристики учрежденій, политическихъ идей и общественныхъ настроеній на всемъ протяженіи отъ Гомера до гибели независимой Греціи дополнены изображеніемъ главнѣйшихъ фактовъ внѣшней исторіи. Кромѣ того, большая часть ранѣе имѣвшихся отдѣловъ подверглась пересмотру и измѣненію.

Составитель опредѣленно отказался отъ включенія въ книгу какъ старинной Эгейской культуры, такъ и македонско-эллинистическаго періода. Книга вышла и безъ того очень большой; а въ то же время въ ней есть данная самимъ предметомъ цѣльность, которую не хотѣлось нарушать; въ своемъ нынѣшнемъ видѣ она обнимаетъ исторію Греціи въ классическую эпоху, т.-е. за время развитія городского республиканскаго быта. По тѣмъ же двумъ соображеніямъ, чтобы не увеличивать безъ предѣла размѣровъ книги и не лишать ея однородности содержанія, составитель ввелъ явленія культурной исторіи лишь въ той степени, насколько это казалось нужнымъ для выясненія политической и общественной жизни древней Греціи.

Москва, июль 1916 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Политико-географическій очеркъ античной Греціи 1—23. Горы Греціи и внутреннія границы областей 1. Кантонализмъ 2. Автономія греческихъ общинъ 4. Присяга гражданъ греческой общины 6. Обработка земли и орошеніе 7. Море 10. Морскіе пути и связи 11. Эмиграція 13. Греческій патриотизмъ 14. Подвижность греческаго народа 15. Характеристика грековъ въ устахъ ихъ писателей 17. Скороспѣлость развитія греческой народности 19. Воинственность грековъ 20. Греки—представители желѣзнаго вѣка 21. Греція и Востокъ 23.

II. Героическій вѣкъ 24—72. Эгейская культура и гомеровскій эпосъ 24. Фукидидъ и Геродотъ о греческой старинѣ 24. Гомеровскій вопросъ въ ново-европейской наукѣ до археологическихъ открытій 28. Новые взгляды на Гомера съ конца XIX вѣка 29. Гомеровскій вѣкъ—греческое средневѣковье 31. Гомеровскія поэмы—искусственный рыцарскій эпосъ 32. Гомеръ—современникъ и пѣвецъ героическаго вѣка 34. Историческая основа гомеровскихъ поэмъ 36. Хронологія героическаго вѣка 39. Общественное устройство по Гомеру 39. Старинная группировка общества 40. Новая военная организація 42. Характеристика аристократіи у Гомера 44. Аристократическіе роды 46. Политическій строй героическаго вѣка 48. Совѣтъ старѣйшинъ и народное собраніе 51. Землевладѣніе героическаго вѣка 53. Низшіе классы по Гомеру 55. Рабство по Гомеру 56. Соціальная картина у Гесиода 57. Быть и мораль крестьянства 59. Торговля и индустрія героическаго вѣка 61. Мифологія и религія Гомера 64. Религіозныя понятія Гесиода 67. Пессимистическія пророчества Гесиода 68. Кризисъ героическаго вѣка 71.;

III. Начало городской жизни 73—117. Старинныя общины европейской Греціи 73. Теократическій характеръ раннихъ общинъ 74. Старинный религіозный судъ 76. Вторженіе военнаго права въ жизнь общинъ 78. Начало колонизаціи 80. Планомѣрная колонизація 82. Вышнія очертанія колонизаціи 86. Изобрѣтенія въ области индустріи и торговли 88. Возникновеніе городовъ 91. Союзы торговыхъ общинъ и столкновенія ихъ 92. Синокизмы 93. Городское управленіе 94. Борьба классовъ въ эпоху возникновенія городовъ 95. Вожди новаго городского общества 97. Внутренняя политика тиранновъ 99. Низверженіе тиранніи и соціальная реакція 100. Настроенія и теоріи эпохи соціальныхъ столкновеній 102. Позднѣйшія сужденія грековъ о тираннахъ 103. Развитие городского суда 104. Составленіе городскихъ судебныхъ 105. Уголовные законы Драконта 106. Гражданское право Гортинскаго судебного 109. Правственныя понятія городского общества 112. Развитие рационализма 113. Начало исторической науки 115.

IV. Спарта и Аѣины въ VI в. до Р. X. 118—168. Пелопоннескія области 118. Источники исторіи Спарты 118. Бытовыя черты старинной Спарты 120. Военно-земледѣльческой классъ въ Спартѣ 121. Политическое устройство Спарты 123. Вышняя политика Спарты 125. Отношенія Спарты къ другимъ пелопоннескимъ общинамъ 127. Пелопоннесскій союзъ 129. Недостовѣрность аѣинской исторіи VII—VI вѣковъ 130. Начало изслѣдованія исторіи Атики 132. Сельское и приморское население Атики 134. Борьба партій и тиранніи 137. Исторія аѣинской тиранніи въ позднѣйшемъ изображеніи 137. Соціальная реформа Солона по Аристотелю и Плутарху 139. Политическая реформа Солона по Аристотелю и Плутарху 141. Анализъ соціальной картины Аристотеля и Плутарха 143. Анализъ конструкціи политической

реформы Солона 146. Возникновение гипотезы о 4 классах 147. Подлинные классы афинского общества 149. Солонъ какъ тиранъ Аѳинъ 150. Законы Солона 151. Вѣщныя отношенія Аѳинъ при Солонѣ и Писистратѣ 153. Паденіе тиранніи въ Аѳинахъ 155. Клисеенъ—организаторъ сельской Аттики 157. Политическія нововведенія Клисеена 159. Соціальныя мотивы реформы Клисеена 160. Вѣщныя политика Аѳинъ послѣ реформъ Клисеена 162. Писистратъ и Клисеенъ, какъ организаторы возникающей демократіи 163. Объединенная Аттика и другія общины Греціи 166.

V. Греко-персидскія войны 169—213. Общее строеніе персидской державы 169. Финансы персидскаго государства 171. Персидская администрація 173. Военное устройство персовъ 174. Персидская держава и малоазійскіе греки 175. Геродотъ—историкъ греко-персидскихъ войнъ 177. Ионійское возстаніе 180. Подготовка перваго похода на Грецію 183. Національныя учрежденія грековъ. Дельфы 183. Олимпійскія игры 186. Спарта въ началѣ V вѣка 187. Аѳины въ 90-хъ годахъ V вѣка 188. Нападеніе персовъ на Эвбею и Аттику 190. Маравонская битва 190. Персы и Греція послѣ похода 490 года 193. Борьба партій въ Аѳинахъ и возникновеніе военнаго флота 194. Походъ Ксеркса 197. Федерация грековъ въ борьбѣ за независимость 199. Защита Средней Греціи 202. Разгромъ Аттики и Саламинская битва 203. Остановка греческой обороны 206. Конецъ персидскаго нашествія 207. Условія пораженія персовъ 209. Оцѣнка побѣды среди самихъ грековъ 211. Черты религіозной историографіи 212.

VI. Великая аѳинская республика 214—276. Общія послѣдствія національной войны 214. Переходъ гегемоніи на морѣ къ Аѳинамъ 215. Делійская симмахія 217. Территорія союза 219. Укрѣпленіе Аѳинъ и Паря 220. Возвышеніе морскаго демоса 22. Стратеги и демагоги 223. Продолженіе національной войны и первыя захваты аѳинянь 226. Паденіе Фемистокла и гибель Павсанія 228. Демократическія движенія въ пелопоннесскихъ общинахъ 231. Превращеніе делійскаго союза въ аѳинскую державу 233. Героическая лирика и драма 236. Религіозная философія эпохи національной войны 237. Вожди радикальной демократіи 239. Паденіе консервативной партіи въ Аѳинахъ 242. Введеніе демократической конституціи въ Аѳинахъ 244. Юридическая охрана аѳинской демократической конституціи 246. Соціальная сторона демократической реформы 249. Оцѣнка демократической конституціи у современниковъ 252. Вѣщныя политика радикальной демократіи 254. Усиленіе аѳинской державы 256. Беотія до середины V вѣка 258. Египетская катастрофа аѳинянь и ея слѣдствія 260. Сокращеніе радикальной программы 262. Конецъ національной войны 263. Аѳинскія колоніи, какъ средства укрѣпленія державы 264. Конституція беотійскаго союза 267. Кризисъ завоевательной политики Аѳинъ 269. Соціальная и финансовая политика Перикла 271. Консервативная оппозиція и ея крушеніе 274.

VII. Торговый подъемъ Аѳинъ и большая междуособная война 277—334. Колониальная предпріятія аѳинянь на западъ 277. Возстаніе на островѣ Самосѣ 279. Восточная колонизація и торговля Аѳинъ 281. Единовластіе Перикла 283. Нравы аѳинской демократіи 285. Демосъ въ качествѣ властителя державы 286. Культура аѳинскаго народа 289. Начало аѳинской ученой школы 292. Преслѣдованіе свободы мысли въ Аѳинахъ 293. Великая Пелопоннесская война и ея историкъ 295. Столкновеніе Аѳинъ и Коринѳа 297. Переговоры между Спартой и Аѳинами 300. Мнѣнія современниковъ о причинахъ и виновникахъ войны 302. Силы противниковъ и планы борьбы 304. Начало десятилѣтней войны 306. Паденіе Перикла 308. Аѳинскія партіи послѣ Перикла 309. Выступленіе пелопоннессцевъ на морѣ и возстаніе на Лесбосѣ 310. Революція на о. Коркиръ 314. Фукидидъ о соціальной борьбѣ въ Греціи 314. Бои въ западной Греціи и первая сицилійская кампанія 317. Успѣхи аѳинянь въ Мессеніи 320. Финансовыя затрудненія Аѳинъ 322. Общее положеніе въ Аѳинахъ середины 20-хъ годовъ 324. Аѳинская политическая комедія 325. Пораженіе аѳинянь въ Беотіи и усиленіе Фивъ 328. Завоеваніе Халкидики Врандомъ 329. Никьевъ миръ 332.

VIII. Паденіе аѳинской державы 335—404. Политическія послѣдствія большой междуособной войны 335. Реакціонная оппозиція въ Аѳинахъ 336. Софистическое просвѣщеніе 338. Просвѣтительная дѣятельность Сократа 341. Политическія идеи сократовскаго кружка 343. Организация реакціонныхъ клубовъ. 345. Политическія мечтанія и программы реакціонеровъ 347. Демократическое воинство 350. Наступательная политика Алкивіада въ Пелопоннесѣ 351. Начало новаго возвышенія Спарты 353. Подготовка великаго похода аѳинянь на западъ 356. Большая сицилійская экспедиція 358. Процессъ гермокопидовъ 360. Измѣна Алкивіада 363. Осада

Сиракузь 365. Вторая экспедиція къ Сиракузамъ и начало Декелейской войны 367. Катастрофа афинянъ въ Сицили 368. Начало олигархическаго движенія въ Афинахъ 370. Настроенія въ Афинахъ 372. Соціальное положеніе въ Афинахъ 374. Выступленіе Спарты въ Эгейскомъ морѣ и договоры ея съ персами 376. Ионійская война 379. Подготовка олигархической революціи въ Афинахъ 380. Олигархическій переворотъ 383. Возстаніе демократическаго войска 385. Низверженіе олигархій въ Афинахъ и умѣренная конституція 388. Геллеспонтская война 390. Возстановленіе демократіи 393. Полновластіе и паденіе Алкивиада 394. Великая битва при Аргинусахъ и процессъ стратеговъ-побѣдителей 398. Катастрофа афинскаго флота и капицулія Афинъ 401.

IX. Раздробленіе Греціи и объединеніе Сициліи 405—471. Разореніе и соціальный разладъ въ Греціи 405. Соціальныя ученія IV вѣка 408. Второй олигархическій переворотъ въ Афинахъ 409. Правленіе Тридцати 411. Паденіе олигархическаго правительства и столкновеніе трехъ партій 414. Реставрація демократіи 416. Обвиненіе Сократа 419. Общественная дѣятельность Сократа въ послѣднюю пору его жизни 422. Пропессъ Сократа 427. Послѣдователи Сократа 430. Походъ Кира на Вавилонъ и отступленіе Десяти тысячъ грековъ 431. Возобновленіе греко-персидскихъ войнъ 434. Соціальныя волненія въ Спартѣ 435. Походъ Агесилая въ Азію 437. Коалиція противъ Спарты 438. Коринѣская война 440. Борьба классовъ и коммунистическія ученія 441. Возрожденіе завоевательной политики Афинъ 444. Парскій миръ 447. Торжество Спарты надъ раздробленной Греціей 449. Монархическое объединеніе на окраинѣ греческаго міра 452. Колоніальная политика Кароагена 453. Соціальныя условія паденія сицилійскихъ общинъ 455. Гибель сицилійскихъ городовъ и приливъ населенія въ Сиракузы 456. Паденіе сиракузской демократіи 459. Начало тиранніи Діонисія 462. Образованіе сицилійской монархіи 464. Финансы и администрація Діонисія 466. Тираннія Діонисія и общественное мнѣніе въ Греціи 469.

X. Послѣднія объединительныя попытки и упадокъ политическаго интереса въ Греціи 472—524. Покореніе Азіи—національное призваніе грековъ 472. Политика Афинъ послѣ Анталкидова мира 476. Побѣда демократіи въ Оивахъ и начало второго афинскаго морскаго союза 478. Конституція второго морскаго союза 479. Афины и Оивы въ войнѣ со Спартой 483. Крушеніе общегреческаго мирнаго конгресса 484. Побѣда Оивъ надъ Спартою и ея послѣдствія 487. Конгрессы грековъ въ Дельфахъ и при персидскомъ дворѣ 491. Колебанія афинской политики 493. Послѣдніе успѣхи оиванцевъ 495. Паденіе Каллистрата 496. Разстройство афинскаго морскаго союза 497. Упадокъ афинской демократіи 499. Программа миролюбивой торговой республики 501. Ослабленіе интереса къ политикѣ 505. Упадокъ афинской культуры 506. Политическіе и соціальныя взгляды Платона и его школы 508. Церковно-педагогическая система Платона 511. Черты платоновской религіи и научнаго богословія 514. Соціальное ученіе Платона и консервативныя предложенія Исократа 516. Административное право общины спасенныхъ 518. Преступленіе и наказаніе по Платону 520. Общество грядущаго бюрократическаго государства 522.

XI. Гибель республиканской Греціи 525—575. Условія возвышенія Македоніи 525. Общій характеръ македонскаго государства 526. Вмѣшательство Македоніи въ греческія дѣла 528. Возникновеніе македонской партіи въ Афинахъ 530. Первые политическія выступленія Демосеена 531. Заключеніе мира между Афинами и Филиппомъ 533. Первые успѣхи Филиппа въ Средней Греціи 535. Манифестъ македонской партіи въ Афинахъ съ призывомъ къ великой восточной войнѣ 536. Общее положеніе въ Греціи 538. Возрожденіе республики въ Сициліи 539. Объединеніе и обезлюдненіе Греціи 542. Организациія борьбы съ Македоніей 543. Разрывъ Афинъ съ Филиппомъ 547. Война въ проливахъ и управленіе Демосеена 550. Херонейская битва и Коринѣскій договоръ 552. Водареніе Александра и катастрофа Оивъ 556. Походъ Александра на востокъ и его греческіе противники 558. Катастрофа Спарты и колебанія Афинъ 561. Ламійская война и катастрофа Афинъ 563. Научный институтъ Аристотеля 565. Соціально-политическія воззрѣнія Аристотеля 566. Аристотель, какъ изслѣдователь въ области государственнаго права 568. Система государственнаго права у Аристотеля 570. Аристотель и Афины 573.

I. Политико-географическій очеркъ античной Греціи.

Горы Греціи и внутреннія границы областей. Греческія племена занимали южную часть Балканскаго полуострова, составляющую около $\frac{1}{4}$ всей массы его территоріи. Едва ли есть другая страна въ Европѣ, настолько обособленная, такъ мало связанная съ остальными частями материка. Строеніе горныхъ вѣтвей Греціи крайне благоприятно для защиты страны. Завоеватель, продвигающійся съ сѣвера, встрѣчаетъ неодолимыя препятствія. Трудно проходимыя хребты перегораживаютъ путь поперекъ, и движеніе изъ одной области въ другую идетъ по узкимъ ущельямъ и горнымъ тропинкамъ. Эти проходы возможно защищать мелкими отрядами противъ крупныхъ силъ, какъ показала знаменитая оборона Термопилъ въ 480 г. въ большой греко-персидской войнѣ.

Западный край сѣверной Греціи, Эпиръ, совершенно неприступенъ съ суши. Лежащая на востокъ большая равнина Тессалии закрыта съ сѣвера отъ Македоніи горизонтальнымъ хребтомъ, и только у моря, черезъ низовье рѣки Пеней, между массивами Олимпа и Оссы, есть возможность проникнуть внутрь страны. При дальнѣйшемъ движеніи на югъ поднимаются новыя загорюдки. Въ южной части Тессалии хребетъ Отрисъ отдѣляетъ широкую долину рѣки Пеней отъ бассейна рѣки Сперхія. Изъ этой южной части Тессалии выходъ въ Среднюю Грецію (нынѣшнюю Ливадію) загороженъ массивомъ Этой, и опять проникнуть дальше возможно лишь узкой полосой вдоль моря; это и есть Термопилы, т.-е. ворота горячихъ ключей. Западъ Средней Греціи, области Акарнанія, Этолія, Фокида, двѣ Локриды и маленькая Дориды—похожи по своему строенію на Эпиръ и, благодаря крайней скудости, не представляли ничего привлекательнаго для завоевателя. Поэтому Ксерксъ, а позднѣе Филиппъ Македонскій, вслѣдъ за форсированіемъ Термопилъ, оба повернули на востокъ и двинулись на равнину Беотіи. Между Беотіей и Аттикой опять трудно проходимый горный кряжъ Киверонъ. Одолѣвши его и прѣдвигаясь еще дальше на югъ,

завоеватель доходит до Истма, т.-е. перешейка, ведущаго къ Пелопоннесу, южной наиболѣе отдѣленной отъ материка, почти островной части Греціи (нынѣшняя Морей). Здѣсь, впереди этой крайней, послѣдней крѣпости Эллады, есть еще одна загородка, окаймляющая перешеекъ съ юга, горы Коринѳа. За этой линіей укрѣпленій помѣщалась самая крупная сухопутная сила Греціи, Пелопоннескій союзъ со Спартой во главѣ.

Въ свое время предки спартанцевъ и другихъ воинственныхъ дружинъ Пелопоннеса, доряне, прошли съ сѣвера всѣ пять загородекъ въ ожесточенныхъ бояхъ и засѣли въ неприступной крѣпости юга, омываемой со всѣхъ сторонъ моремъ. Отсюда руководители военной громады пелопоннесцевъ, спартанцы, пытались нѣсколько разъ захватить господство надъ остальной Греціей; всякій разъ они должны были обезпечивать себѣ свободное движеніе на сѣверъ форсированіемъ проходовъ. Въ свою очередь противники Спарты употребляли всѣ усилія, чтобы закрыть ей выходъ изъ Пелопоннеса, и къ этимъ именно усиліямъ свелось одно изъ самыхъ упорныхъ греческихъ междоусобій, такъ наз. коринѳская война, начавшаяся въ 395 году: оиванцы, аеиняне и коринѳяне блокировали сѣверную сторону прохода, спартанцы старались прорваться съ юга изъ Пелопоннеса. Безсильная пробить дорогу черезъ Истмъ, Спарта должна была отозвать домой царя Агесилая, побѣдоносно двигавшагося въ глубь персидской державы.

Ни Спартѣ, ни какой-либо другой общинѣ не удалось объединить европейскихъ грековъ. Европейская Греція лишена единства; въ ней нѣтъ ничего похожаго на такой центръ, откуда возможно было бы установить господство надъ другими областями (каково, напр., въ Испаніи Кастильское плоскогоріе). Хорошо защищенная отъ внѣшняго врага, страна, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря строенію горныхъ вѣтвей, раздроблена на мелкія области, совершенно разобщенныя между собою. На горныхъ склонахъ, обращенныхъ въ разныя стороны, въ небольшихъ котловинахъ, закрытыхъ съ трехъ сторонъ и имѣвшихъ выходъ только къ морю, легко могли удержать самостоятельность небольшія группы населенія. Даже рѣки, обычно соединители поселковъ, расположенныхъ вдоль ихъ теченія, въ Греціи не служили связующимъ элементомъ. Нерѣдко, напр., русло потока перерублено пополамъ горнымъ гребнемъ; рѣка убѣгаетъ въ ущелье, спертое горами, скатывается сразу внизъ на другую террасу, и верхняя долина оказывается совершенно отрѣзанной отъ сухопутныхъ сношеній съ нижней.

Кантонализмъ. Въ Греціи болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь даны подходящія условія для развитія кантональнаго строя. Нигдѣ въ такой мѣрѣ физическое строеніе не содѣйствуетъ возникновенію партикуляризма, ис-

ключительнаго интереса къ своимъ мѣстнымъ дѣламъ. Интересно въ этомъ отношеніи сравнить съ античной Греціей средневѣковую Швейцарію. Это тоже страна разобщенныхъ долинъ и замкнутыхъ кантоновъ. Въ Швейцаріи горные проходы имѣли огромное, можно сказать, рѣшающее историческое значеніе. Швейцарскій союзъ сложился благодаря тому, что горцамъ выгодно было держать въ своихъ рукахъ альпійскіе проходы и пользоваться доходами товарнаго и пассажирскаго движенія, которое соединяло Германію и Францію съ Римомъ и Средиземнымъ моремъ. Выгоды эти заставили ихъ совмѣстно оберегать господство надъ проходами; отсюда возникло соединеніе швейцарскихъ общинъ, ихъ союзъ. Но всѣ альпійскіе проходы лежатъ въ одной горизонтальной линіи и имѣютъ болѣе или менѣе одинаковое значеніе для жителей большинства швейцарскихъ кантоновъ. Иначе въ Греціи, гдѣ они расположены вертикально, послѣдовательно отдѣляя одну область отъ другой. У грековъ не было общаго интереса для защиты каждаго барьера въ отдѣльности; всякій кантонъ думалъ лишь о ближайшей къ нему загородкѣ; чѣмъ дальше онъ былъ расположенъ отъ начала пути, тѣмъ менѣе у него было интереса къ защитѣ верхнихъ частей. Въ великой персидской войнѣ 481—79 гг. Спарта и другіе пелопоннесцы хотѣли защищать только свой «островъ» и собирались ограничиться возведеніемъ укрѣпленной стѣны на перешейкѣ; они весьма неохотно слѣдовали планамъ афинянъ и другихъ грековъ, жившихъ сѣвернѣе Истма. Въ свою очередь весь союзъ, оборонявшійся противъ персовъ и состоявшій изъ пелопоннесцевъ и средне-греческихъ общинъ, обнаружилъ такое же невниманіе къ сѣверной окраинѣ Фессаліи. Два сѣверные барьера были покинуты безъ защиты, и лишь для обороны Фермопилъ, третьяго, считая съ сѣвера, прохода, двинуты были союзныя ополченія.

Нигдѣ въ исторіи, ни раньше, ни позже нельзя указать примѣра такого кантональнаго дробленія, какъ въ древней Греціи; области, равныя самымъ мельчайшимъ единицамъ современнаго государства, можно сказать, всякій городокъ, всякая деревня искали полной самостоятельности. На одномъ классическомъ примѣрѣ видно, какъ эта жизнь выросла изъ самихъ физическихъ условій.

На сѣверномъ берегу Пелопоннеса, вдоль Коринѣскаго залива, тянется узкой полосой на протяженіи приблизительно 120 километровъ Ахайя. Ширина этой области только въ одномъ мѣстѣ доходитъ до 50 километровъ; по большей части сухопутная граница области на югѣ гораздо ближе къ морю, въ 20-ти или даже 15-ти километрахъ разстоянія отъ берега. Вся эта продольная полоса разрѣзана поперечными отрогами Аркадскихъ горъ, которыя составляютъ сухопутную гра-

ницу Ахайи, почти правильно на крошечныя поперечныя полосы въ 10—12 километровъ шириною. Общій видъ у всѣхъ этихъ полосокъ почти одинаковъ: въ серединѣ рѣчка или потокъ, сбѣгающій къ морю, по краямъ—горныя отроги, загораживающіе долинку отъ двухъ сосѣднихъ, расположенныхъ справа и слѣва. Такая маленькая котловина, отовсюду замкнутая, открытая только къ морю, въ 80 или 100, самое большее въ 120 кв. километровъ (100 кв. верстъ), составляетъ самостоятельную *πόλις*, т.-е. общину съ городкомъ, который является иногда единственнымъ поселкомъ территоріи. Вся Ахайя состояла изъ 12 самостоятельныхъ общинъ; изъ нихъ лишь двѣ лежали не у моря; остальные десять имѣли тотъ видъ, который былъ только что описанъ.

Автономія греческихъ общинъ. Въ тѣсныхъ рамкахъ, начерченныхъ природой страны, вырабатывается особливая греческая автономія и свобода, *αὐτονομία καὶ ἐλευθερία*, о которой горячо толкуетъ обыватель каждой маленькой общины и которая неизбѣжно фигурируетъ во всѣхъ соглашенияхъ, договорахъ и трактатахъ грековъ. Въ современномъ крупномъ государствѣ понятие политической свободы несравненно шире, но и гораздо менѣе опредѣленно: оно относится къ группѣ дѣйствій на большомъ просторѣ, но не къ дробнымъ территоріямъ, не къ реальнымъ маленькимъ категоріямъ лицъ. У грековъ понятие свободы прежде всего своимъ остриемъ обращено на ближайшихъ сосѣдей: не зависѣтъ отъ нихъ—вотъ что значитъ быть свободнымъ.

Въ этомъ смыслѣ высказывается одинъ изъ персонажей драматизированной Фукидидомъ великой греческой войны. Фукидидъ рассказываетъ о столкновеніи еиванцевъ и аэинянъ въ 424 г., которое кончилось крупнымъ поражениемъ аэинянъ при Деліи; передъ самой битвой начальникъ беотійскаго ополченія, Пагондъ, произноситъ рѣчь, стараясь вызвать въ воинствѣ энергію сопротивленія. Онъ говоритъ, между прочимъ: «какъ же вамъ не биться изо всѣхъ силъ! Вы всегда выходили на непріятеля, если онъ къ вамъ вторглся. А ужъ на аэинянъ надо и подавно выйти, потому что они ваши сосѣди. Вѣдь это общій законъ, что не уступать сосѣдямъ, значить, вмѣстѣ съ тѣмъ быть независимымъ»¹. Сосѣди собственно названы «обитателями сосѣдняго города» (*ἀστυεῖτονες*). Это совсѣмъ не то, что сосѣди въ понятіи нынѣшнихъ европейскихъ народовъ. У грековъ сосѣди—нѣчто несравненно болѣе реальное и задѣвающее. Въ концѣ-концовъ, сосѣди и есть самые величайшіе и ожесточеннѣйшіе враги. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть злѣе вражды еиванцевъ и платейцевъ, ближайшихъ между собою сосѣдей, которые принадлежали къ одному и тому же племени, говорили на одномъ и томъ же нарѣчій? Когда спартанцы, послѣ трехлѣтней осады Платей въ 427 г., взяли маленькій городъ и

уничтожили укрѣпленія его въ отместку за союзъ Платей съ Афинами, они хотѣли все-таки пощадить сдавшихся платейцевъ; но безжалостными и непримиримыми обвинителями платейцевъ выступили еиванцы: они требовали поголовной казни геройскихъ защитниковъ Платей. Между сосѣдями непрерывныя пограничныя ссоры и стычки. Другъ у друга отрѣзываютъ источники прѣсной воды, запахиваютъ чужія поля, отнимаютъ выгоны. Всюду въ Греціи можно указать такія полоски земли, пограничныя между двумя областями, которыя служатъ предметомъ традиціоннаго спора многихъ поколѣній, которыя переходятъ изъ рукъ въ руки. Такова вѣчная ссора изъ-за выгона фокидянъ и локровъ въ средней гористой части Греціи, или споръ афинянъ и еиванцевъ изъ-за пограничнаго мѣстечка Оропоса и много другихъ. Очень характерно, что сосѣди не заключаютъ между собой окончательнаго мира, а только короткія перемирія, напр., на 10 дней, которыя они не устаютъ бесконечно возобновлять, точно самое обыкновенное будничное дѣло.

Пожалуй, можно сказать, что автономія—вѣчно безпокойное состояніе. Фукидидъ, изображающій великое общее междоусобіе въ Греціи, даетъ намъ возможность заглянуть также въ жизнь мелкихъ и мельчайшихъ уголковъ раздробленной страны. Въ то время, какъ двѣ большія воюющія державы ведутъ крупныя операціи, всюду кипитъ борьба сосѣдскихъ маленькихъ общинъ; онѣ, конечно, увлечены поневолѣ въ союзъ съ Афинами или Спартой, онѣ не могутъ сохранить нейтралитетъ благодаря давленію крупныхъ державъ, но ихъ дѣйствія въ то же время—не что иное, какъ оживленіе старыхъ, повсемѣстныхъ споровъ.

Поэтому маленькая греческая община обыкновенно вся состоитъ изъ вонтелей. Всѣ умѣютъ владѣть оружіемъ; въ походъ часто идутъ *πανδημει*, всѣмъ народомъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ набѣги на сосѣдей образуютъ правильное лѣтнее занятіе. Во время большой междоусобной войны, начавшейся въ 431 г., пелопоннесцы изъ года въ годъ направляются лѣтомъ черезъ перешеекъ на разореніе Аттики; и каждый годъ, по Фукидиду, походъ кончается одинаково, такъ что въ текстѣ постоянно встрѣчается стереотипная фраза: «когда у нихъ вышелъ весь захваченный съ собою провіантъ, они вернулись домой и разошлись по своимъ общинамъ». А относится это замѣчаніе по преимуществу къ маленькимъ городкамъ и областямъ съ населеніемъ въ 5—10 тысячъ жителей.

Автономія не ограничивается однимъ управленіемъ, она простирается на всѣ явленія жизни, на область вѣры и эстетики, на серьезное и на забаву, на предметы поклоненія и на средства развлеченія.

У каждой общины свой мѣстный патронъ, своя святыня, обыкновенно останки героя, какая-нибудь знаменитая могила, съ охраной которой связано само существованіе общины. Изъ-за костей тоже идутъ вѣчныя усобицы; предприимчивые люди норовятъ похитить у сосѣдей чудодѣйственную святыню, забрать ее себѣ и спрятать въ свою очередь подъ десятью запорами. У каждой общины свои праздники, свой календарь, свои посты и священныя примѣты: въ Аѣинахъ одно, въ Спартѣ другое, въ Дельфахъ третье. Ни за что граждане не отложить своего праздника, не пожертвуютъ своимъ отдыхомъ, не отмѣняютъ традиціонныхъ хороводовъ, музыкальныхъ состязаній, драматическихъ плясокъ и гимнастическихъ игръ. Во время греко-персидскихъ войнъ спартацы теряютъ драгоценное время изъ-за того, чтобы справить по вѣсьмъ обычаямъ праздникъ Карней. Иногда среди похода вдругъ уходило домой ополченіе какой-нибудь общины, чтобы не пропустить наступившей праздничной поры. Въ 412 году важный стратегическій планъ разстроился благодаря неисправимой привычкѣ грековъ забывать обо всемъ въ мѣрѣ изъ-за праздника. Пелопоннесцы замыслили отправить внезапно свой флотъ отъ Коринѣскаго перешейка къ берегамъ Малой Азіи, чтобы подать помощь Хіосу и другимъ членамъ морского союза, готовымъ отложиться отъ Аѣинъ. Все дѣло было въ томъ, чтобы скрыть операциі отъ аѣинянъ; но коринѣяне, на территоріи которыхъ шли заготовленія экспедиціи, объявили, что наступаютъ истмійскія игры: они не могутъ ни сократить праздничный періодъ, ни отмѣнить божій миръ, охраняющій вѣхъ посѣтителей праздничнаго центра. Отплытіе пелопоннесской эскадры замедлилось, а между тѣмъ на Истмій, пользуясь охраной божьяго мира, прибыли аѣиняне и узнали о приготовленіи похода: они во-время выслали свою эскадру и загородили выходъ пелопоннесскимъ кораблямъ.

Присяга гражданъ греческой общины. Нѣтъ ничего болѣе характернаго для политическаго сознанія, развивавшагося среди тѣсныхъ кантональныхъ условій, какъ присяга, которую долженъ былъ произнести каждый гражданинъ. Въ сравненіи съ современными неопредѣленно-торжественными формулами присяга лица, вновь вступающаго въ среду греческой общины, отличалась крайнимъ реализмомъ и обстоятельностью самыхъ точныхъ и мелочныхъ обѣщаній. Въ видѣ иллюстраціи можетъ служить надпись, открытая въ Херсонѣ Таврическомъ (близъ Севастополя), которая заключаетъ въ себѣ полный текстъ гражданской присяги². Эта греческая колонія, хотя и отброшенная въ далекую варварскую страну, воспроизводила, однако, характерныя условія большей части кантоновъ европейской Греціи. Херсонъ—приморскій городъ съ небольшою полоской земли у выхода сухопутной дороги, обла-

давшіи нѣсколькими укрѣпленными пунктами на станціяхъ и перекресткахъ этой дороги. Въ колоніи кипѣла обычная борьба партій греческихъ общинъ: были заговоры политическихъ клубовъ, изгнанія побѣжденныхъ противниковъ, измѣны эмигрантовъ, исключительные законы и т. д. Поэтому присяга херсонцевъ характерна и для греческихъ городовъ вообще.

Гражданинъ обѣщаетъ въ ней «мыслить согласно съ другими о благосостояніи и свободѣ города и гражданъ, не предавать интересовъ Херсона и его крѣпостей ни греку, ни варвару, но сохранить ихъ вѣрно народу херсонцевъ». «Я не стану нарушать демократическій строй, не буду помогать врагу и предателю этого строя, не скрою о подобномъ замыслѣ, но сообщу о немъ деміургамъ, поставленнымъ для управленія городомъ. Такъ же буду я поступать и въ качествѣ деміурга и члена совѣта. Я не передамъ тайно ни греку, ни варвару ничего такого, что можетъ повредить городу, не возьму даровъ съ этой цѣлью, не вступлю въ заговоръ ни противъ общины, ни противъ отдѣльныхъ гражданъ. Если же я съ кѣмъ-нибудь вступилъ бы въ заговоръ и связалъ себя особой клятвой, лучше мнѣ нарушить обѣтъ, чѣмъ сохранить его». Вслѣдъ за этими чисто-политическими завѣреніями идетъ обѣщаніе, также чрезвычайно конкретное, вызванное продовольственными условіями Херсона и законами о хлѣбной торговлѣ: «Я не буду продавать хлѣба, получаемого съ полей (нашей) родины, я не стану его вывозить въ другое мѣсто, помимо Херсона». Видимо, дѣло идетъ о правильномъ обезпеченіи хлѣбомъ главнаго города и о запрещеніи свозить запасы куда-либо, кромѣ центра, чтобы власти имѣли полную возможность отдѣлить необходимую долю для продовольствія горожанъ и только излишекъ допустить къ вывозу. Это мѣсто въ присягѣ, нѣчто въ родѣ наивнаго вложенія перста въ раны, наглядно выдѣляетъ значеніе строгой продовольственной регламентаціи въ жизни греческой общины.

Обработка земли и орошеніе. Разобценныя между собой маленькія греческія области большею частью плохо обезпечены въ смыслѣ питанія. Хлѣбопашество возможно лишь въ немногихъ равнинахъ, въ Фессаліи, въ Беотіи, въ котловинѣ Лаконіи и Мессеніи. Производимого страной хлѣба было слишкомъ мало, и, по мѣрѣ роста населенія, необходимо было обезпечить себѣ свободный подвозъ съ иностранныхъ рынковъ. На невысокихъ склонахъ, преимущественно въ восточной Греціи, растутъ виноградъ и оливка; оливководство составляло важную основу благосостоянія старинной Аттики въ ту эпоху, когда она еще не стала на дорогу морскихъ захватовъ и широкой торговли. Но вообще на греческихъ плоскогорьяхъ мало наносной плодородной земли; мягкіе

слои почвы, получаемые отъ вывѣтриванія верхней коры, смываются ливнями, и твердыя каменные породы выступаютъ наружу. Тутъ всякая горсть земли на счету. Человѣку приходится какъ бы создавать для себя почву, собирать ее частицами и насыпать вмѣстѣ: съ большими усиліями онъ наноситъ тонкіе слои на голые уступы, роетъ ямы для добыванія мергеля, лежащаго мѣстами подпочвой, и такимъ образомъ добываетъ себѣ почву изъ-подъ земли, перекаладывая слои. Въ старинной Греціи население было плотнѣе, чѣмъ въ современной, и соотвѣтственно тому садоводы и земледѣльцы были усерднѣе и тщательнѣе въ работѣ; въ большомъ ходу была обработка земли террасами, при чемъ возводили искусственно какъ бы бастіоны, подпирая слои снаружи каменными стѣнками; въ различныхъ мѣстахъ, нынѣ заброшенныхъ, находятъ такіе стѣнки и валы.

Гораздо болѣе, чѣмъ въ современности, примѣнялось въ старинной Греціи искусственное орошеніе. Но и для оросительныхъ сооружений условія страны крайне невыгодны. Именно, восточная Греція, представляющая больше простора для населенія, бѣдна дождями. Рѣки и ручьи питаются горными снѣгами; всѣ они—короткіе, небольшіе потоки, низвергающіеся въ море, частью совсѣмъ пересыхающіе. Достаточно напомнить, что крупнѣйшій городъ Греціи, Аѣины, стоялъ на двухъ ручьяхъ, лѣтомъ совсѣмъ безводныхъ. Прѣсной воды въ Греціи поразительно мало; тутъ возможны вѣчные споры изъ-за какого-нибудь ручейка, и необходимо старательное распредѣленіе очереди для полученія воды. Въ извѣстной клятвѣ, которую приносили кантоны и племена, вошедшіе въ союзъ пилейской амфиктіоніи (охранявшей Дельфійское святилище), было опредѣленное обѣщаніе «не лишать общины, входящія въ составъ союза, прѣсной воды ни въ мирное, ни въ военное время». Въ Греціи свѣжая вода—словно какое-то высшее благо. Современный грекъ говоритъ на прощаніе: «добраго пути и свѣжей воды». Почти тѣми же словами провожалъ древній грекъ отошедшаго въ другой міръ. Въ этой бытовой чертѣ ясно отразилась жестокая постоянная нужда въ водѣ.

Борьба за воду выражена ярко и въ юридическихъ памятникахъ Греціи. Во всѣхъ городскихъ законодательствахъ непрѣменно есть статьи, опредѣляющія право частныхъ лицъ отводить воду, рыть каналы, копать колодцы, регулирующія всякаго рода столкновенія, которыя могутъ возникнуть при пользованіи водой изъ мѣстныхъ рѣчекъ и источниковъ. Въ Гортинѣ на о. Критѣ народъ постановилъ, чтобы отдѣльные хозяева, отводя каналъ отъ рѣчного русла, никоимъ образомъ не уменьшали основного теченія въ рѣкѣ; они должны руководиться при этомъ, въ качествѣ нормальной мѣрки, протяженіемъ городского

моста у рыночной площади³. Законы Солона точно опредѣляютъ, на какомъ разстояніи отъ публичнаго водоема частное лицо имѣетъ право вырыть колодець; но такъ какъ, въ виду крайней скудости подпочвенной воды, колодець не можетъ быть много, то въ законѣ опредѣлено количество воды, которое обязанъ отпускать владѣлецъ колодца своимъ сосѣдямъ⁴. Тяжелая необходимость послужила грекамъ школой въ развитіи техники проведенія воды, и они достигли въ этомъ отношеніи немало искусства. Въ числѣ чудесъ главнаго города на о. Самосѣ Геродотъ называетъ крупнѣйшій въ Греціи водопроводъ⁵.

Въ гористыхъ областяхъ большей половины Греціи возможно лишь скотоводство, и притомъ весьма примитивное; на склонахъ находятъ себѣ кормъ непрехотливыя овцы и особенно козы, тогда какъ крупному скоту будетъ слишкомъ голодно. Скотоводческія области лежатъ преимущественно на западѣ и въ срединѣ, чѣмъ и объясняется отсталость и бѣдность западной Греціи (Эпира, Акарнанія, Этоліи, Фокиды, Аркадіи), сравнительно съ восточнымъ краемъ и югомъ, гдѣ расположены земледѣльческія и садоводческія области (Фессалія, Беотія, Аттика, островъ Эвбея, Арголида, Лаконія, Мессенія).

Но и эти лучше поставленныя земли не могли пропитать мѣстное населеніе, когда оно сильно возросло, особенно въ V вѣкѣ, въ самую цвѣтущую эпоху греческой жизни. Передъ Греціей необыкновенно остро всталъ вопросъ о подвозѣ припасовъ первой необходимости, особенно хлѣба. Пелопоннесъ существовалъ преимущественно доставкой зерна изъ своихъ западныхъ колоній, италійскихъ и сицилійскихъ. Аѣнияне построили въ 431 году свой планъ уничтоженія спартанской мощи на полной экономической изоляціи Пелопоннеса съ моря и въ особенности на разрѣзѣ путей сообщенія съ западными колоніями; въ 415 г., отправляя большую экспедицію въ Сицилію, аѣнияне замыслили тѣмъ же ударомъ лишитъ Пелопоннесъ подвоза жизненныхъ припасовъ. Въ свою очередь, Аѣины, превратившись изъ кантона въ большую морскую державу, по необходимости должны были организовать хлѣбоснабженіе изъ богатыхъ черноморскихъ областей. Отсюда жизненное значеніе для Аѣинъ обладанія проливами, Геллеспонтомъ и Босфоромъ; подъ конецъ отчаянной борьбы на жизнь и на смерть между Спартой и Аѣинами въ годы 411—405 всѣ дѣйствія сосредоточились въ проливахъ; съ ихъ потерей, съ прекращеніемъ подвоза изъ Понта, Аѣины, осужденныя на голодную смерть, капитулировали.

Край скудный, разбитый горами на безсильныя мелкія области, Греція вынуждена была бы оставаться на уровнѣ такихъ замкнутыхъ странъ, какъ нашъ Кавказъ, если бы не близость и, такъ сказать, повсемѣстное, глубокое проникновеніе моря.

Море. Замкнутыя другъ отъ друга, греческія области были, напротивъ, открыты для вышнихъ сношеній. За немногими исключеніями, онѣ большей частью имѣли выходъ къ морю. Въ Греціи необыкновенно развита береговая линія. Въ Пелопоннесѣ нѣтъ ни одного пункта, который бы отстоялъ болѣе, чѣмъ на 7 миль отъ моря, въ Средней Греціи — болѣе, чѣмъ на 8 (въ Фессаліи и Эпирѣ болѣе чѣмъ на 14). Изрѣзанность Греціи можно оцѣнить по сравненію съ Пиренейскимъ полуостровомъ. Вся Греція не больше Португаліи, между тѣмъ какъ ея береговая линія больше берега всего Пиренейскаго полуострова, въ которомъ Португалія составляетъ лишь одну шестую долю.

Но береговая линія не въ одинаковой мѣрѣ развита на западѣ и на востокѣ. На западѣ, помимо глубоко вдающагося Коринфскаго залива, нѣтъ бухтъ, и берегъ мало доступенъ; съ этой стороны мало острововъ; къ морю прилегаютъ большею частью дикія лѣсистыя горныя области. Ихъ населеніе стало позже вступать въ исторію, и въ концѣ-концовъ не играло важной роли. На востокѣ, напротивъ, берегъ состоитъ изъ выдавшихся впередъ полуострововъ, чередующихся съ заливами и бухтами; здѣсь цѣлый рядъ гаваней, и съ этой стороны море усыяно островами въ необыкновенномъ изобиліи. На восточной окраинѣ Греціи больше также открытыхъ долинъ. Въ этой болѣе выгодно поставленной части и сложились важнѣйшія греческія государства, разыгралась греческая исторія.

Омывающее восточную Грецію Эгейское море — опять нѣчто исключительное. Оно необыкновенно выгодно для начала мореплаванія, для первыхъ его шаговъ, когда моряки ѣздятъ исключительно вдоль береговъ или отъ острова къ острову, никогда не упуская изъ виду суши. Въ самомъ дѣлѣ, съ любого пункта восточнаго берега Греціи виденъ другой, противоположный, или нѣсколько острововъ въ разныхъ направленіяхъ. Острова образуютъ непрерывныя цѣпи отъ европейскаго берега къ азіатскому; переѣзды между ними коротки, и благодаря этому, возможны частыя остановки; нѣтъ острова, отъ котораго другой островъ или другой берегъ отстоялъ бы болѣе, чѣмъ на 5 миль. Все это море легко обозримо; у моряка всюду передъ глазами ориентирующіе пункты. Выѣзжая черезъ Геллеспонтъ съ сѣверо-востока въ Эгейское море, онъ видитъ сейчасъ же далеко выдавшуюся въ море черную массу Аѳона. Аѳонская гора видна во всей сѣверной части Эгейскаго моря. Съ острова Хиоса, близко примыкающаго къ Малой Азіи, виденъ, поперекъ моря, край Эвбеи, въ свою очередь плотно прилегающей къ европейской Греціи. Въ болѣе широкой южной части моря есть промежуточный пунктъ: горный массивъ Цда на Критѣ виденъ съ мыса

Малеа, на окраинѣ Пелопоннеса, и съ острова Родоса, близкаго къ малоазійскому берегу.

Эгейское море похоже на большое внутреннее озеро. Оно отвѣчаетъ требованіямъ примитивнаго мореплаванія. Въ бурные осенніе и зимніе мѣсяцы греки не ѣздили вовсе; суда стояли, защищенные отъ вѣтра, въ тихихъ закрытыхъ бухтахъ. Въ болѣе спокойное лѣтнее время они пользовались правильностью теченій и вѣтровъ. Посрединѣ моря проходитъ теченіе съ сѣвера, вдоль береговъ обратныя теченія. Въ продолженіе дня дуетъ сильный сѣверный вѣтеръ (этесіи), благопріятный для плователей, идущихъ изъ Чернаго моря и Пропонтиды на югъ, къ Аѳинамъ и къ Пелопоннесу. Къ вечеру онъ ложится, и мореходу, направляющемуся съ юга, надо пользоваться ночнымъ временемъ.

Морскіе пути и связи. Если море вообще выводитъ Грецію изъ ея обособленнаго положенія, то Эгейское море сближаетъ восточную часть Греціи съ противолежащими ей берегами Малой Азіи. Греція какъ бы обращена лицомъ къ востоку; тутъ между Европой и Азіей граница сглажена, почти отсутствуетъ. Острова Эгейскаго моря составляютъ прямое продолженіе горныхъ хребтовъ восточной Греціи. Киклады тянутся замѣтными четырьмя параллельными рядами отъ выдавшихся концовъ ея, отъ Тессалии и Эвбеи, отъ Аттики, отъ Арголиды и гребня Парнона въ Лаконіи. Послѣднія звенья этихъ рядовъ нечувствительно переходятъ въ группу Спорадъ, которая въ свою очередь представляютъ продолженіе береговыхъ возвышенностей Малой Азіи. Что касается западныхъ и юго-западныхъ окраинъ Малой Азіи, то по расчлененію берега, почвѣ, климату онѣ очень напоминаютъ восточную Грецію и, напротивъ, не похожи на прилегающее къ нимъ съ востока дикое плоскогоріе середины Малой Азіи. Эгейское море связываетъ, такимъ образомъ, двѣ родственныя страны; изъ нихъ-то, соединенныхъ вмѣстѣ, и образовался историческій міръ класической Греціи въ собственномъ смыслѣ слова. Уже раннія передвиженія и предпріятія, отразившіяся въ гомеровскомъ эпосѣ, произошли внутри этихъ рамокъ. Позднѣе колонизація, которая направилась въ Черное море, въ Африку и особенно въ западную часть Средиземнаго моря, вышла изъ круга земель, охватывающихъ Эгейское море. Очень характерно, что берега южной Италіи, Сициліи и даже столь близкіе къ западной Греціи Ионическіе острова были колонизованы не съ западной окраины, а именно съ востока, изъ Мегары, Коринѳа, Эвбеи, Милета и малоазійскихъ городовъ. Колонизація пошла кругомъ Греціи, потому что исходила изъ готоваго сложившагося стараго греческаго міра, созданнаго особыми условіями Эгейскаго моря и его береговъ. Наконецъ, самая крупная

держава античной Греціи, афинская морская имперія, была соединеніемъ городовъ и общинъ, окаймляющихъ Эгейское море и расположенныхъ въ серединѣ его.

Море составляетъ настоящее спасеніе сдавленныхъ горами, пріютившихся на выступахъ и въ котловинахъ мелкихъ греческихъ племенъ. Моремъ подвозятся необходимые припасы и недостающіе товары, и моремъ уходитъ избытокъ населенія. Для маленькой греческой общины выходъ къ морю—единственный жизненный путь. Если запереть такой выходъ, если заблокировать его флотомъ или если врагъ, высадившись, выстроить на берегу крѣпостцу, население области погибло голодной смертью. Обыкновенно нѣтъ возможности уйти и въ горы, потому что по ту сторону горной цѣпи внутреннія котловины заняты такимъ же скудно питающимся, но цѣпкимъ и воинственнымъ населеніемъ.

Изъ этой географической особенности выросла совершенно своеобразная манера защиты у грековъ. Самый знаменитый примѣръ ея мы видимъ у афинянъ въ видѣ Длинныхъ стѣнъ, выстроенныхъ по инициативѣThemistocles и соединявшихъ на протяженіи нѣсколькихъ километровъ главный городъ съ его гаванью Пиреемъ. Эта укрѣпленная линія, возведенная послѣ нашествія Ксеркса, когда пришлось покинуть Афины, отрѣзанныя отъ сообщеній, должна была въ критическія времена обезпечивать выходъ къ морю для главной массы населенія. Въ эпоху Пелопоннесской войны Атика была отдана на разграбленіе непріятелю, а масса населенія, фактической составъ общины, былъ сдвинутъ въ одну узкую колею, ведущую къ морю. Община была искусственно превращена въ долину съ единственнымъ выходомъ наподобіе тѣхъ, какіе мы отмѣтили въ Ахайѣ, и какіе можно еще въ такой же типической формѣ наблюдать на сѣверномъ побережьи Крита. Хочется сказать, что люди здѣсь точно повторили, продолжили и заострили наблюденную ими форму окружающей природы. Строители Длинныхъ стѣнъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы искусственно создали себѣ на сушѣ изолированное положеніе въ родѣ островного. Потомъ афиняне научаютъ другихъ тому же стратегическому средству. Въ періодъ, когда они распоряжались въ сосѣдней Мегарѣ, они построили мегарянамъ Длинныя стѣны на соединеніе главнаго пункта съ моремъ. Такую же укрѣпленную линію выстроили себѣ Аргосъ и Патры въ Ахайѣ.

Длинныя стѣны—словно какое-то національное сооруженіе въ Греціи. Присматриваясь ближе, мы видимъ, что условія его даны физической природой. Человѣческое изобрѣтеніе копируетъ устройство поверхности; Длинныя стѣны продолжаютъ строеніе горныхъ отроговъ; онѣ довершаютъ обособленіе областей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ

обеспечиваютъ жизненный нервъ греческой области—сообщеніе ея съ моремъ.

Эмиграція. Съ самыхъ раннихъ временъ эти скудныя, тѣсныя, открытыя лишь къ морю области Греціи высылали во все стороны, а главнымъ образомъ на востокъ избытокъ своего населенія, или, вѣрнѣе, самые подвижныя, безпокойныя, предприимчивыя его элементы. Оукидидъ отлично понялъ эту особенность старинной греческой исторіи. По его словамъ, съ тѣхъ поръ, какъ греки запомнятъ себя, нѣтъ племени, которое бы не передвигалось съ мѣста на мѣсто; болѣе сильныя вытѣсняли слабыхъ. При общей небезопасности, при отсутствіи торговли люди оставались въ бѣдности; никто не старался выработать съ земли больше, чѣмъ нужно было для пропитанія; жили изо дня въ день, и ни у кого не было имущества; поэтому они легко снимались съ мѣста и не строились особенно прочно, не укрѣпляли селеній. Оукидидъ рассказываетъ намъ⁶ о морскомъ пиратствѣ, о безконечныхъ наѣздахъ съ моря, о грабежахъ, о торговлѣ захваченнымъ добромъ; изъ этихъ непрерывныхъ морскихъ усобицъ выросли постепенно большія предпріятія, сложились крупныя морскія державы. Троянская война стоитъ у него въ цѣпи этихъ своеобразныхъ греческихъ набѣговъ. Въ ней все характерныя черты греческой экспедиціи: выѣздъ воинственныхъ дружинъ, захватъ чужихъ запасовъ и, наконецъ, переселеніе на новую родину—то, что мы называемъ колонизаціей.

Въ этой картинѣ не хватаетъ лишь одной черты, которую Оукидидъ не добавляетъ, можетъ быть, изъ національной гордости: нѣтъ упоминанія объ уходѣ греческихъ наемниковъ на чужбину, о военной службѣ у большихъ восточныхъ державъ. А между тѣмъ наемничество—старинная черта греческой жизни. Уже въ VII вѣкѣ до Р. Х., какъ только проливается нѣкоторый свѣтъ на исторію эллинскихъ народностей, виденъ большой спросъ на греческихъ воиновъ въ разныхъ странахъ: въ Малой Азіи, въ Египтѣ, на Евфратѣ.

Греческіе моряки участвуютъ въ морскихъ операціяхъ, предпринимаемыхъ ассирійскимъ царемъ Сеннахерибомъ противъ Элама, въ нападеніи съ моря, со стороны Персидскаго залива. У царей Саятской династіи, у Псамметиха, Нехо, Амазиса, греки—главная военная сила: на скаль у Абу-Симбеля въ верхнемъ Египтѣ нацарапаны имена греческихъ наемниковъ, ходившихъ въ Нубію. Когда въ серединѣ VI вѣка съ Иранскихъ горъ надвигается завоевательная громада персовъ, коалиція, пытающаяся имъ сопротивляться, выдвигаетъ всюду грековъ въ передніе ряды борьбы: они сражаются въ Лидіи и въ Египтѣ противъ Кира и Камбиза. Съ водвореніемъ въ Азіи персовъ греки идутъ на службу къ новой преуспѣвающей имперіи; у Геродота такъ и мель-

каютъ имена греческихъ моряковъ, офицеровъ и инженеровъ, состоящихъ на службѣ великаго царя, напр., въ большой экспедиціи Дарія противъ скивовъ.

Всѣ эти факты относятся къ времени, гораздо болѣе раннему, чѣмъ IV вѣкъ, который принято считать эпохой развитія наемничества. Дѣло въ томъ, что уходъ на чужую службу, пиратскіе набѣги, воинственная колонизація—все это и составляетъ стихію грековъ отъ начала и до конца ихъ исторіи. Греческая народность рано начинаетъ разсѣиваться въ разныя стороны; рано стали увлекать грековъ богатства восточныхъ странъ.

Переселенія образуютъ самое постоянное, самое упорное и повседневное явленіе греческой жизни. Море открываетъ обитателямъ Балканскаго полуострова сотню выходовъ для выселенія. Помимо иностранной эмиграціи, въ Греціи вслѣдствіе тѣсноты и междоусобій въ отдѣльныхъ общинахъ, накапливается множество всякаго рода бѣглецовъ и изгнанниковъ. Въ V вѣкѣ эмигранты съ острова Эгины, морскую силу которой сломали афиняне, пріютились въ Пелопоннесѣ. Обрато, мессенцевъ, которые бились за свободу противъ Спарты въ 460 г., афиняне приняли у себя и устроили въ Навпактѣ, на сѣверномъ берегу Коринесскаго залива. Платейцы, успѣвшіе бѣжать отъ гибели своего города въ началѣ Пелопоннеской войны, находятъ убѣжище въ Афинахъ. Всѣ эти эмигранты—обломки непрерывныхъ бурь и жестокихъ столкновеній между племенами и общинами. Они должны строить всю жизнь заново или пробиваться на чужой сторонѣ, служить чужимъ интересамъ.

Греческій патриотизмъ. Хотя эмиграція—самое обычное явленіе греческой жизни, она не уничтожаетъ необыкновенной привязанности, которую уроженцы мелкихъ областей питаютъ каждый къ своей крошечной родной странѣ. Мы встрѣчаемся съ характерной чертой жизни греческихъ общинъ, снова напоминающей намъ о правахъ и понятіяхъ горцевъ, задвинутыхъ природою въ тѣсныя углы и безконечно сильно, до физической боли страдающихъ отъ разлуки съ родной долиной.

У Фукидида есть по этому поводу любопытный разсказъ ⁷. Какъ извѣстно, въ началѣ великой Пелопоннеской войны Периклъ убѣдилъ всѣхъ сельскихъ жителей Аттики укрыться въ афинскихъ стѣнахъ и предоставить спартанцамъ и ихъ союзникамъ разграбленіе Аттики, такъ какъ совершенно безумно выходить въ поле противъ болѣе численнаго непріятели, знаменитаго къ тому же своимъ сухопутнымъ боемъ, на сушѣ непобѣдимаго; предполагалось тѣмъ временемъ нанести пелопоннесцамъ гораздо болѣе вреда морскими операціями. Среди скрывавшихся въ стѣнахъ были жители самой большой сельской волости Ати-

ки, Ахарнѣ. Они сознательно присоединились къ общему рѣшенію. Но вотъ пришли спартанцы; съ высоты стѣнъ ахарницы видятъ разореніе родныхъ полей и виноградниковъ. Они понимаютъ безуміе вылазки противъ врага, но не могутъ вынести зрѣлища; они рвутся въ бой со спартанцами, устраиваютъ частыя сходки, волнуются и близки къ возстанію. Съ другой стороны, спартанскій предводитель Архидамъ строитъ на этихъ ему знакомыхъ чувствахъ цѣлый расчетъ. Онъ знаетъ, что ахарницы составляютъ очень значительную долю въ ополченіи; поэтому онъ раньше всего нападаетъ на ихъ сельскія владѣнія. Ахарницы, такъ рассчитываетъ спартанскій царь, не дадутъ разорять свои земли и станутъ возбуждать къ борьбѣ другихъ, а спартанцамъ именно и надо выманить аинянъ на открытый бой. Но если даже на этотъ разъ аиняне не выйдутъ въ поле, то онъ можетъ тѣмъ спокойнѣе потомъ разорять другія земли и даже подступить къ городу: дѣло въ томъ, что ахарницы, уже лишившись всего своего достоянія, не станутъ такъ охотно биться за земли всѣхъ остальныхъ, и среди гражданъ наступитъ разладъ.

Чтобы оцѣнить вполнѣ этотъ рассказъ Фукидида, надо вспомнить, что Аттика славилась своимъ стариннымъ сивойкизмомъ, т. е. объединеніемъ, которое давно уже связало жителей отдѣльныхъ мелкихъ общинъ общими учрежденіями, совмѣстной службой и предпріятіями. И все же особенность старой самостоятельной общины Ахарнѣ сказалась; и даже врагъ строилъ на ней небезосновательные расчеты.

А вотъ рассказъ Ксенофонта (въ Анабазисѣ) о судьбѣ греческаго войска далеко за предѣлами родины; эта армія, весьма большая для того времени, набрана изъ уроженцевъ чуть ли не всѣхъ греческихъ областей: Фессалии, Аркадіи, Аттики, Беотіи, Лаконіи, Элиды, есть воины съ о. Сициліи, Родоса и т. д. Они, казалось бы, могли стереться въ одну безформенную массу подъ вліяніемъ своей чисто-коммерческой службы, въ борьбѣ за чуждое имъ дѣло; къ тому же среди нихъ было немало эмигрантовъ, озлобленныхъ противъ большинства своихъ согражданъ, которые ихъ изгнали. И однако, какъ сильно въ нихъ кантональное чувство! Ксенофонтъ при всякомъ имени офицера или солдата непременно прибавитъ, откуда онъ родомъ; земляки тѣсно держатся вмѣстѣ. Иногда люди разныхъ кантоновъ ссорятся въ лагерѣ, точно они дома въ Греціи столкнулись около перевала или рѣчки, раздѣляющей ихъ деревни; иногда только мило и остроумно пикируются. При этомъ всякій изъ нихъ чувствуетъ себя прежде всего аиняниномъ, или спартанцемъ, или элейцемъ, а потомъ уже грекомъ⁸.

Подвижность греческаго народа. Народившись въ крошечныхъ долинахъ и на гористыхъ островкахъ, чувство привязанности каждаго

къ своей маленькой общинѣ можетъ потомъ жить отдѣльно отъ географической среды. Изъ факта физическаго оно становится моральнымъ явленіемъ, оно переходитъ въ общественное чувство, связывающее односельчанъ. То, о чемъ по временамъ мечтаетъ европеецъ, растворившійся въ океанѣ раздробленныхъ, какъ онъ самъ, человѣческихъ единицъ, и то, что европеецъ въ своихъ мечтахъ называетъ коммуной, здѣсь, на берегахъ Эгейскаго моря, было дано само собой.

Природа сложила рамки коммуны и воспитала ея быть. Но коммуна могла потомъ отдѣлиться отъ своей воспитательницы и сохранить надолго самостоятельную корпоративную жизнь. Вся греческая колонизація состоитъ въ томъ, что цѣлая община или большая часть общины передвигается въ далекіе края и остается тамъ такимъ же органическимъ связнымъ цѣлымъ, какимъ была на родинѣ. Община вся можетъ сѣсть на корабль и обратиться въ пловучій странствующій народъ. Въ этомъ смыслѣ у грековъ время отъ времени появляются своеобразные планы переселенія. Объ одномъ изъ нихъ рассказываетъ Геродотъ⁹. Въ 40-хъ гг. VI вѣка Киръ разгромилъ Лидійское царство въ Малой Азій. Слѣдомъ за этимъ завоеваніемъ персы надвинулись на греческія общины, лежавшія на берегу Малой Азій. Начались осады, разрушенія городовъ, капитуляціи на тяжелыхъ условіяхъ. Въ отчаяніи іонійскіе греки собрались на конгрессъ и стали обсуждать положеніе. Здѣсь-то именно Біасъ изъ города Пріене (упоминавшійся потомъ въ числѣ семи мудрецовъ), развилъ свой планъ совмѣстнаго общаго переселенія. Характерны выраженія, въ которыхъ Геродотъ передаетъ объ этомъ проектѣ; въ нихъ чувствуется увлеченіе чисто-греческой идеей мудраго политика. «Біасъ, какъ мнѣ привелось выяснитъ, высказалъ мысль особенно удачную; если бы его послушались, то греки добились бы наиболѣе цвѣтущаго положенія, какое только можно представить. Біасъ предложилъ соединиться всѣмъ іонійцамъ въ одну экспедицію и плыть на островъ Сардинію съ тѣмъ, чтобы основать тамъ Іонію, центральную, общеіонійскую колонію; тамъ они будутъ избавлены отъ всякаго рабства и счастливо устроятся. Тогда какъ оставшіеся на мѣстѣ въ Іоніи, они не увидятъ болѣе свободы».

Не надо считать этотъ планъ беспочвенной фантазіей. Біасъ намѣтилъ лишь въ широкихъ линіяхъ то, что постоянно и непрерывно происходило во всей Греціи. Его предложеніе лѣтъ 60 спустя было буквально повторено. Темистокломъ и исполнено аоніянцами. Когда Ксерксъ сталъ надвигаться въ Среднюю Грецію и грозила неминуемая оккупация Аттики, Темистоклъ предложилъ аоніянцамъ посадить свои семьи и движимость на корабль и попытать счастья въ морской

битвѣ. Что бы произошло въ случаѣ пораженія грековъ? На что шли аоняне, принимая предложеніеThemistocle? Имъ осталось бы только уйти всей коммуной въ изгнаніе, основать себѣ новую родину гдѣ-нибудь на западѣ, гдѣ было больше свободной земли и куда еще не могла достать рука всемогущаго великаго царя Востока. Мотивъ, такъ ярко отразившійся въ планахъ Біаса и Themistocle, никогда не исчезалъ изъ сознанія грековъ. Въ 413 г., когда аоняне потерпѣли подъ Сиракузами рѣшительное пораженіе, когда былъ уничтоженъ ихъ флотъ и совершенно отрѣзано всякое отступленіе моремъ, осталось уйти въ глубь Сициліи или къ какому-либо берегу острова. Главкомандующій Никій, стараясь ободрить упавшее духомъ войско, раскрылъ передъ нимъ такую перспективу: «Подумайте только, какіе вы великолѣпные воины! А вѣдь куда бы вы ни ушли, гдѣ бы ни осѣли, вы тотчасъ же образуете собой новую общину!»

Въ приведенныхъ политическихъ фантазіяхъ и программахъ мы еще разъ читаемъ результаты физическаго строенія страны; ея раздробленность, ея дѣленіе на какія-то естественныя крѣпости и ея жизнь у всепроникающаго моря, которое образуетъ какъ бы гарантію свободы. Въ словахъ Біаса, Themistocle и Никія отражаются характернѣйшія черты греческаго соціального быта; дѣйственность кантональнаго строя, тѣсная сомкнутость общины, чувство независимости превыше всего, и въ то же время крайняя подвижность, способность къ переселеніямъ, при чемъ во всѣхъ тревоженіяхъ судьбы и передвиженіяхъ сохраняются крѣпкія связи, образовавшіяся въ коммунальной жизни.

Характеристика грековъ въ устахъ ихъ писателей. Подвижность, непосѣдливость остаются основной чертой греческой народности на всемъ протяженіи ея исторіи. Намъ интересно отмѣтить, въ какой мѣрѣ сами греки сознавали быстроту смѣнъ въ своей жизни, вѣчный спѣхъ и порывчатость своей работы, необходимость новыхъ и новыхъ внѣшнихъ предпріятій. До степени лихорадочной напряженности эта подвижность доходитъ въ военно-политической дѣятельности Аонинъ въ V вѣкѣ.

Фукидидъ среди своихъ изумительныхъ драматическихъ характеристикъ изобразилъ намъ между прочимъ аонянъ, этихъ греческихъ «американцевъ» въ пору ихъ наибольшаго кипѣнія. По свойственной ему манерѣ онъ влагаетъ оцѣнку аонянъ въ уста ихъ злѣйшихъ враговъ, коринянъ¹⁰. Обращаясь къ слишкомъ коснымъ спартамцамъ, стараясь встряхнуть ихъ отъ апатіи и побудить къ энергическимъ дѣйствіямъ противъ Аонинъ, кориняне говорятъ: «вы совсѣмъ не подумали, какъ не похожи на васъ аоняне и какъ своеобразны эти люди вообще. Это—новаторы, способные быстро создавать планы и настоя-

чиво осуществлять то, что они разъ рѣшили; они смѣлы, готовы на рискъ и не теряются въ опасностяхъ. Они умѣютъ извлечь наибольшую пользу изъ побѣды, а въ случаѣ неудачи уступить какъ можно меньше. Они способны жертвовать собой для государства безраздѣльно, но сохраняютъ полное обладаніе всѣми силами своего духа. Никогда они не удовлетворяются достигнутымъ, а идутъ все дальше и дальше. Среди усилій и опасностей они работаютъ всю жизнь и совѣмъ не наслаждаются владѣніемъ своимъ, такъ какъ все хлопочутъ о новыхъ приобрѣтеніяхъ; нѣтъ у нихъ другого праздника, какъ исполненіе обязанности; бездѣльный досугъ кажется имъ худшимъ несчастіемъ, чѣмъ тяжелый трудъ. Однимъ словомъ, можно сказать, что аѳиняне отъ природы предназначены ни себѣ, ни другимъ не давать покоя... Какъ въ искусствѣ, такъ и въ политикѣ по необходимости всегда будутъ одерживать верхъ новыя формы. Люди, развивающіе многостороннюю дѣятельность, должны думать постоянно о разныхъ усовершенствованіяхъ. Вотъ почему аѳиняне, опираясь на свой богатый опытъ, такъ много провели у себя новаго».

Едва ли есть другая страница у античныхъ писателей, которая такъ близко напоминала бы настроенія новѣйшей культуры XIX—XX вв. Вотъ, казалось бы, когда люди вѣрили въ прогрессъ! Безъ сомнѣнія, мы должны учесть въ характеристикѣ Фукидида идеализацію родного города: писатель и преувеличиваетъ кипучую дѣятельность аѳинянъ, и любитъ ея. Можно возразить, что здѣсь дѣло идетъ не о грекахъ вообще, а только объ аѳинянахъ. Но, конечно, въ словахъ коринвянъ у Фукидида заключена значительная доля общаго сужденія. Аѳиняне—не исключеніе въ греческой жизни, а только ея наибольшее напряженіе. Спартанцамъ дѣлается упрекъ въ косности, но Фукидидъ знаетъ хорошо и рассказываетъ самъ дальше, какую изобрѣтательность и подвижность показали въ той же войнѣ спартанцы Брасидъ и Агисъ, какъ во второй половинѣ войны спартанцы энергично бросаются въ морскую стихію, чтобы въ концѣ-концовъ превзойти здѣсь первѣйшихъ новаторовъ, аѳинянъ.

Къ тому же характеристика Фукидида вовсе не стоитъ одиноко въ греческой литературѣ. Вотъ крайне интересное замѣчаніе Геродота, свидѣтельствующее о томъ, что греки хорошо сознавали за собою только что отмѣченныя національныя черты. Богатый скиѣтъ Анахарсисъ ѣдетъ въ Грецію, чтобы получить научное образованіе. Побывавши въ разныхъ мѣстахъ, онъ разочарованно возвращается назадъ: развѣ только у спартанцевъ есть чему поучиться; они мастера ставить вопросы и давать дѣльные отвѣты; остальные греки во всемъ спѣшати, и у нихъ никогда нѣтъ досуга, чтобы толкомъ заняться какой-

либо наукой. Любитель анекдотовъ и остротъ, Геродотъ прибавляетъ: впрочемъ, это—шутка, придуманная самими греками ¹¹. Мы скажемъ: очень симпатичная черта грековъ, если они умѣли такъ смѣяться надъ собой, и какая же, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонкая оцѣнка характернѣйшаго качества націи, одновременно, большого достоинства и большого недостатка ея.

Скороспѣлость развитія греческой народности. Мы въ правѣ добавить еще одинъ оттѣнокъ къ характеристикамъ, даннымъ двумя выдающимися греческими историками. Греки спѣшать, кипятъ, волнуются, ихъ развитіе идетъ съ нервической быстротой, но въ быту и сознаниіи не все одинаково поспѣваетъ, и отсюда рѣзкія противорѣчія стараго и новаго, дикарства и утонченной культуры. Не успѣли греки получить съ востока религію олимпійскихъ боговъ, какъ уже поколѣніе Гомера интимно и смѣло подошло къ образамъ небожителей, развѣнчало и почти осмѣяло ихъ.

Общины воюють между собой за останки героевъ, выкрадываютъ другъ у друга чудодѣйственныя изображенія боговъ, живутъ дикими представленіями старины, а въ то же время первый греческій историкъ, Гекатей изъ Милета, заявляетъ рѣзко во всеуслышаніе, что, по его мнѣнію, мифъ о Гераклѣ и другіе рассказы грековъ въ этомъ духѣ составляютъ пустой вымыселъ. У одного и того же писателя, Эсхила, есть драмы, въ которыхъ онъ возвеличиваетъ кровную месть, зоветь мстителей на искупительныя убійства, одобряемая богами, и есть произведеніе, въ которомъ онъ выступаетъ смѣлымъ борцомъ противъ произвола высшихъ силъ, защитникомъ правъ разума человѣческаго.

Греки изживають торопливо одинъ моментъ за другимъ, жадно вычерпываютъ содержаніе каждой формы жизни, быстро увлекаются и быстро охладѣваютъ. Они не въ силахъ долго останавливаться на чемъ-либо, просто и непосредственно отдаваться ровнымъ и однообразнымъ впечатлѣніямъ; все подвергается критикѣ, все нужно разложить, разобрать, попробовать переставить. Фукидидъ заставляетъ однажды съ грустной проницательностью одного оратора аѣніянамъ: «вамъ ничего нельзя предложить и посовѣтовать; вы уже не вѣрите искренности, неспособны просто воспринимать; во всемъ вы перемудрите» ¹².

Темпъ греческой жизни въ V вѣкѣ идетъ, все ускоряясь, но тѣмъ быстрѣе она направляется къ катастрофѣ. Въ V вѣкѣ поразительно конституціонное строительство, увлеченіе политикой; сначала симпатіи интеллигенціи обращены къ демократіи; но очень скоро наиболѣе культурные умы отворачиваются отъ этой формы и принимаютъ столь же усердно за политическія измышленія совсѣмъ иного характера: за изобрѣтеніе монархическихъ, аристократическихъ и бюрократическихъ ком-

бинацій. И опять скоро наступает полное разочарованіе во всѣхъ формахъ государственнаго быта. Военные элементы, не находя больше занятія дома, уходятъ за границу; въ V вѣкѣ гордые и независимые демократы, они теперь, будучи включены въ большія арміи, подчиняются монархическому руководительству, образуютъ кадры слугъ крупныхъ деспотій. Интеллигентные люди бѣгутъ отъ политики, клянутъ ее, скрываются въ академическіе и философскіе кружки, т.-е. обращаются къ общенію церковному, къ стремленіямъ не отъ міра сего. Но этотъ моментъ уже выходитъ за предѣлы собственно классической эпохи греческой исторіи.

Воинственность грековъ. Начало классической эпохи застаётъ грековъ безпокойнымъ, задорнымъ, необыкновенно воинственнымъ народомъ. На зарѣ его стоитъ троянская война, большой выѣздъ греческихъ пиратовъ и колонистовъ на востокъ. Дальнѣйшая жизнь націи—воинственныя предпріятія, направленные во всѣ стороны и захваты-вающія большую часть береговъ Средиземнаго моря: нападенія флотовъ, вооруженная колонизація, уходъ наемниковъ. Всѣ эти передвиженія, эмиграція, военная служба на чужбинѣ привлекаютъ на родину, въ европейскую Грецію, драгоценные металлы и разные товары. Греція становится страной транзита восточныхъ продуктовъ, идущихъ черезъ ея порты дальше на западъ и сѣверъ, въ южную и среднюю Европу. Приливающее со стороны богатство не создаетъ покоя въ Греціи; напротивъ, съ появленіемъ захваченной извнѣ добычи возникаютъ антагонизмы между общинами, разгораются страсти, вспыхиваютъ междоусобія. По мѣрѣ усиленія отдѣльныхъ городовъ, усобицы разрастаются въ болѣе крупныя войны. Только на одинъ моментъ, въ виду грозной опасности персидскаго нашествія, сплочивается половина Греціи въ большой оборонительный союзъ. Но въ концѣ-концовъ защита отъ персовъ служить исходнымъ пунктомъ новыхъ болѣе острыхъ и широкихъ конфликтовъ между общинами Греціи. Слѣдомъ за героической борьбой Аѣины дѣлаютъ смѣлую попытку отхватить у великой восточной державы часть ея доходовъ, и на этой финансовой основѣ принудительно объединить весь греческій міръ.

Всѣ общины, угрожаемая этой централизаціей, сплочиваются вокругъ Спарты, которая въ свою очередь поддается соблазну предводительства (гегемоніи) и связанныхъ съ нимъ выгодъ. Изъ соперничества Аѣинъ и Спарты возникаетъ крупнѣйшее и жесточайшее междоусобіе, великая Пелопоннеская война съ ея продолженіями въ IV вѣкѣ, въ которыхъ Греція истекаетъ кровью. Изъ 122 лѣтъ самаго блестящаго періода классической Греціи, отъ изгнанія персовъ въ 477 году до распаденія второго аѣинскаго морского союза въ 355

году, большая часть, 73 года, занята междоусобными войнами и притомъ болѣе или менѣе всеобщими, и лишь 49 лѣтъ представляютъ мирь, и то не вездѣ. Съ крушеніемъ объединительныхъ попытокъ въ IV вѣкѣ появляется планъ общаго религіозно-національнаго похода грековъ на завоеваніе востока. Широко эксплуатируя силы греческихъ общинъ, берется за исполненіе этого плана посторонняя сила, Македонія. Походъ Александра открываетъ вторую большую колонизацію грековъ, вѣкъ эллинизма; онъ завершаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ классическую эпоху греческой исторіи, такъ какъ среди македонскаго объединенія разрушаются и гибнутъ основы независимой общинной Греціи.

Такимъ образомъ исторія автономной кантональной и городской Греціи выдѣляется своей воинственностью, какъ нѣчто совершенно исключительное, превосходя даже исторію Рима и общинъ старинной Италіи.

Греки—представители желѣзнаго вѣка. Поскольку войны связаны съ прогрессомъ металлическаго производства, можно указать определенный этапъ развитія техники, который знаменуетъ собой выступленіе грековъ. Они появляются на сценѣ исторіи въ моментъ расцвѣта желѣзной индустріи и переворота въ оружейномъ дѣлѣ. Самые ранніе литературные памятники грековъ, Гомеръ и Гесіодъ, стоятъ живыми свидѣтелями новаго желѣзнаго вѣка. Въ этомъ отношеніи греки—настоящіе сверстники современныхъ имъ страшныхъ ассиріянь великаго царства, начиная отъ Ассурназирпала въ IX вѣкѣ. Греки и ассиріяне—носители и обладатели развитой желѣзной техники по преимуществу.

Среди воинственной вообще греческой народности выдѣляются, въ качествѣ первѣйшихъ мастеровъ военнаго дѣла, спартанцы. Ихъ мощь зависѣла, можетъ быть, болѣе всего отъ обладанія желѣзными рудниками въ Лаконіи и поддерживалась благодаря образцовой для Греціи постановкѣ оружейнаго дѣла. Специалисты желѣзнаго производства, спартанцы старались также по возможности накопить у себя побольше цѣннаго металла и принуждали къ поставкѣ его своихъ союзниковъ.

Когда мы говоримъ о желѣзномъ вѣкѣ, мы обозначаемъ время лишь именемъ металла, занимающаго центральное мѣсто въ техникѣ эпохи. Желѣзное производство не можетъ, однако, оставаться единственнымъ; странѣ необходимы другіе металлы, и остается еще очень важный вопросъ о ихъ доставкѣ. Что касается мѣди, то греки не имѣли ея, кажется, у себя дома, а получали извнѣ, добывая войной или торговлей. У Гомера есть фигура правителя «увлекающихся греблей» тафійцевъ, который везетъ въ дальнюю страну желѣзо для обмѣна на нужную ему мѣдь. Мы видимъ необычайную жадность воителей подъ Троею до мѣди и бронзы, которую они накопляютъ въ видѣ утвари

и деспѣховъ. Возможно, что часть мѣди они получали изъ забалканскихъ странъ тѣми путями, по которымъ они сами вышли къ побережью Эгейскаго моря.

Драгоценные металлы, золото и серебро, въ качествѣ покупательныхъ средствъ играли большую роль въ судьбахъ грековъ. Трудно сказать, откуда предшественники грековъ, старинные владетели Микенъ, Орхомена, Кносса и Трои, собрали свои обильные запасы золота и серебра: лишь часть этихъ драгоценныхъ металловъ могла быть мѣстнаго происхожденія. Такъ или иначе, эльдорадо стало ихъ проклятиемъ, потому что привлекло жадныхъ и безпокойныхъ воителей съ сѣвера. Приливая все большими и большими массами къ морю, къ старымъ культурнымъ центрамъ, греки сѣли, наконецъ, у самихъ складовъ сокровищъ. Въ ходѣ своей исторіи они порядочно порастратили старые запасы, но осталось еще нѣсколько важныхъ источниковъ, которые потомъ придавали блескъ и силу ихъ владѣтелямъ.

Геродотъ много рассказываетъ о золотѣ и серебрѣ, которымъ обладалъ въ VI вѣкѣ небольшой островъ Сифносъ. Въ слѣдующемъ V вѣкѣ блеснула своимъ золотомъ община острова Эасоса, которая тянулась также къ обладанію обильной золотомъ Пангейской горы, на противоположащемъ берегу Эракіи. Эасосъ вызвалъ зависть Аѳинъ, и маленькій народецъ острова погибъ въ жестокихъ столкновеніяхъ съ безпощадными воителями, которые, въ свою очередь, построили свое морское могущество на добычѣ серебра въ Атикѣ.

Жадность къ золоту составляла какой-то особенный національный недостатокъ грековъ. Они сами готовы были надъ нимъ смѣяться, и Геродотъ рассказываетъ по этому поводу забавный анекдотъ, не стѣняясь тѣмъ, что приходится связать его съ исторіей родоначальника аѳинскаго дома Алкмеонидовъ, которымъ онъ вообще очень сочувствуетъ. Аѳинянинъ Алкмеонъ оказалъ большія услуги посольству лидійскаго царя Креза, ѣздившему въ Дельфы, и за это былъ приглашенъ ко двору въ Сарды. Крезъ предложилъ ему, въ видѣ награды, забрать столько золота изъ кладовой, сколько онъ вынесетъ собственной персоной. Алкмеонъ надѣлъ широчайшее платье съ громаднымъ карманомъ спереди и самые просторные сапоги, какіе онъ только могъ найти. Войдя въ царскую сокровищницу, онъ такъ и набросился на кучу золотого песка, набилъ карманъ и отвороты сапогъ, обсыпалъ волосы золотою пылью и еще набралъ полонъ ротъ золота. Въ такомъ видѣ, едва волоча ноги, похожій на что угодно, только не на человѣка, съ раздутыми щеками и весь расплывшій, онъ вышелъ наружу. Крезъ расхохотался и подарилъ изобрѣтательному греку вдвое больше того, что онъ взялъ. Съ этой удачи пошло благополучіе Алкмеонидовъ ¹³,

Греція и Востокъ. На всемъ протяженіи греческой исторіи видна тѣсная зависимость грековъ отъ Востока. Греки—завоеватели восточныхъ богатствъ и неоплатные должники восточной культуры. Первая религіозная система, которую мы застаемъ въ Греціи при свѣтѣ исторіи, культъ 12 олимпійскихъ боговъ, явно скопирована съ восточныхъ образцовъ, можетъ быть, даже принесена восточной пропагандой. Эта проповѣдь извнѣ продолжается потомъ въ ученіи орфиковъ, она приноситъ почитаніе бога-страдальца и богини-матери. Восточная философія просвѣчиваетъ явственно въ теоріяхъ астрономовъ и физиковъ іонійской школы. Неисчерпаемый запасъ восточныхъ, главнымъ образомъ, египетскихъ сказокъ, новеллъ и фантастическихъ анекдотовъ широкой волной заполняетъ греческую литературу.

Но все эти влиянія не затрогиваютъ социальныхъ отношеній, права и политической жизни, которыя слагались долго подъ давленіемъ узкихъ кантональныхъ условій. Въ греко-персидскихъ войнахъ кантонально-республиканская Греція дала отпоръ огромной деспотіи, объединившей на два столѣтія весь культурный Востокъ. Греки попытались политически отторгнуться и высвободиться отъ Востока; отсюда, въ культурѣ V вѣка черты націонализма. Фукидидъ, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ выразителей этого патріотическаго направленія: въ его глазахъ, греческая культура возникла самопроизвольно, греки ничѣмъ не обязаны постороннему влиянію. Но уже современникъ Фукидиды, Сократъ, а за нимъ Платонъ въ сильной степени подчинены восточной мистикѣ. Съ отливомъ воинственныхъ колонистовъ въ эллинистическія монархіи обѣднѣвшая европейская Греція утрачиваетъ свой національный обликъ, ориентализмъ достигаетъ новаго торжества въ видѣ религіозныхъ братствъ, безчисленныхъ кружковъ и союзовъ, въ паденіи политическаго интереса и, наконецъ, въ подготовкѣ великой церковной системы.

Если признать, что догомеровская критско-эгейская культура тѣсно примыкала къ Востоку, къ Египту, Малой Азіи и Сирии, то время классической Греціи, отъ IX до IV вв. включительно, надо считать эпохой наибольшей самостоятельности раздробленной маленькой страны и ея крошечныхъ независимыхъ кантоновъ.

¹ Оук., IV, 92, 3. ² Матеріалы по археологій Россіи изд. Имп. Археол. Ком. Слб. 1892. ³ Das Stadtrecht von Gortyn v. J. Kohler u. E. Ziebarth, Göttingen 1912, p. 39. ⁴ Плут. биогр. Солона, 23. ⁵ Герод. III, 60. ⁶ Оук. I, 2—12. ⁷ Оук. II, 20—21. ⁸ Ксеноф. Анаб. IV, 6. ⁹ Гер. I, 170. ¹⁰ Оук. I, 70. ¹¹ Гер. IV, 77. ¹² Оук. III, 43. ¹³ Гер. VI, 125.